

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С АЛБАЗИНА

(русское южное порубежье и Цинская империя)

Признаюсь на берегу, перед тем, как отправиться к верховьям Амура, что в свое время встречал название Албазин, но какого-то определенного интереса оно не вызвало. Было это в Тобольском музее-заповеднике, точнее - в его книгохранилище, где помимо книг старопечатных хранятся и рукописные. Там и повезло мне прочитать и отснять свою копию с рукописного труда много-летнего, попавшего в музей из библиотеки тобольской епархии. Название ему «Летописец о достопамятствах бывших в губернском городе Иркутске с 1652 по 1772 год». Судя по пометке ниже названия, копия была сделана в 1791 году специально для епархиальной библиотеки. Вот в Иркутской летописи и встретилась мне краткая запись за 1683 год: «...по грамоте из Сибирского приказа велено воеводе Власову быть в Нерчинске и Албазине...»

Это не причуды века - один воевода на две крепости да и далече они отстоят друг от друга. Только по р. Шилке до слияния ее с Аргунью надо идти водой или тропой верст триста пятьдесят, да еще по великой реке Амур до Албазина верст сотни две с половиной...

Однако же не с именем Ивана Евстафьевича Власова связано появление первых русских на Амуре. За сорок лет до Власовского воеводства (о причинах безвоеводия в Албазине - позже) к Амуру вышел Ерофей Хабаров. Это стараниями неутомимого Ерофея против устья речки Албазихи и был поставлен первый хабаровский острог, но прежде пришлось казакам разорить становище даурского князя Албазы. Прошедший Амуром в 1543 г. Василий Поярков острогов в верховых реки не ставил. Итак, Албазин заложен в 1551 году.

Сплавляясь по Амуру, Хабаров и товарищи заглянули и на правобережье, где, не мешкая, близ устья реки Комархэ, срубил острог Комарский. Надо выделить одну подробность деяний Хабарова. Он воевал только с местными племенами. О маньчжурах, а тем более о китайцах, на берегах Амура в те времена не было и речи.

Правда, уже через четыре года преемник Хабарова казачий атаман Онуфрий Степанов отбивался от маньчжурских воинов, сидя за стенами Комарского острога. Отсиделся, отбился. Вслед за казаками на Амур с Лены потянулся русский набродистый народ - соболями прельстились. Но «набродье», не сбитое в отряд, маньчжуры переловили поодиночке и всех перебили. При этом по каким-то неизвестным соображениям из Пекина последовал Указ - всем приамурским жителям перейти за реки Сунгари и Наун, с русскими военных дел не иметь. Почему маньчжуры не задавили в зародыше русские остроги на Амуре - объяснение есть. Внутри Поднебесной шла своя война.

Надо хотя бы вкратце сказать - кто в те поры правил Поднебесной Империей. С 1661 года на трон был возведен пятый по счету император маньчжурской династии Цин - малолетний Сюанье. Ему было отроду всего семь лет и страной правил, разумеется, не ребенок, а регентский совет.

Отец Сюанье - император Фулинь умер молодым от оспы. Но оспа же извела на трон его наследника. Будущий сын Неба Сюанье оспой уже переболел, следовательно, имел против нее иммунитет. Это и учел отец в завещании.

В том году (1651), когда Хабаров на Амуре ставил Албазин, император Фулинь был занят вовсе не северным порубежьем Поднебесной. Страна была раздираема междуусобицами, маньчжурская династия только становилась на ноги и воевала с непокорным югом. Новая династия Цин пыталась добить остатки Минского Китая. Не давала покоя новой династии и Корея, с которой твердой границы, как и с Россией, просто не существовало. Предшественник Сюанье все же побеспокоился о границе на северо-западе. Там не было ни постов, ни кара-

улов. А русские все продуктивнее осваивали берега Амура, оттуда прекратилась «соболиная дань», русские будто бы угрожали Мукдену. Отец Сюанье в те отдаленные от Пекина места - правобережье Амура ссыпал политически неблагонадежный и уголовный элемент. Но территория за рекой Сунгари оставалась неподконтрольной императору. Пекин распорядился - необходимо укрепить границы мукденских земель, и поручил это Мукденскому Цзянъ-цзюню* маньчжуру Аньчжуру и тот выполнил приказ, - линия укреплений протянулась почти на 900 километров: почти от Мукдена (современный Шенъян) - до устья правого притока Сунгари реки Муданцзян. Граница создавалась из подручного материала: где из камня, где из кирпича, где из бревен. Отдельные участки были обозначены высокими ивовыми тычинами в два ряда. Промежуток между рядами засыпался землей. С внешней стороны перед палисадом был выкопан глубокий ров. Так маньчжуры оберегали свои пределы от русской угрозы, и та пограничная линия получила название Ивовый палисад, богато насыщенный заставами и караулами. И все, что находилось за пределами Ивового палисада даже в официальных документах к 1680 году именовалось «внешними землями». Это важно, поскольку речь далее пойдет об агрессии империи Цин в Приамурье. Накануне активных действий против Албазина и окрестных острогов маньчжуры еще раз подвинули свои границы к северо-западу, включив в «земли Мукдена» (чертеж эта пограничная получила имя «палисад ивовых тычин»), не принадлежавшие Поднебесной никогда. Не принадлежали эти территории и недолговечному собственно маньчжурскому государству (1616-1644 гг.). Более того, в 1684 году, приводя описание родового гнезда - Мукдена и его земель, маньчжуры, судя по заявленным расстояниям, включают в область своего владения и реку Уду и Шантарские острова, и даже острова Японские, что обнаруживает полное незнакомство с реальным пространством Дальнего Востока. Ход маньчжурской государственной мысли понятен - надо сформировать мнение соседей об «исторических правах» цинской империи.

За тридцать лет существования Албазина его окрестности очень живо обустраивались сибирскими, более всего якутскими казаками, промысловым народом - «соболятниками».

По Амуру встал острог Усть-Стрелочный, появились деревни Солдатово, Покровское, Андрюшкино, слободы Игнашкина, Погодаева, Покровская, Паново, Верх-Монастырская, Ильинская. Проворный и легкий на ход казачий народ обставил нижнее течение реки Зеи острогами: Верхозейский (1677 г.), Селемджинский (1678 г.), Долонский (1680 г.), Аргунский (1681 г.). Но наиболее важной точкой русской опоры в Забайкалье явился основанный в 1654 г. Нерчинск. С 1658 г. он получил статус центра отдельного Нерчинского воеводства, все Приамурские остроги перешли в его подчинение. Окраинная земля Московского государства подпитывалась земледельческими силами - к 80-м годам в Приамурье мирно хозяйствовало более 1500 крестьян. Расположенные в благодатной долине Амура деревни под Албазином кормили своим хлебом не только земские остроги, но и каменистый Нерчинск. В Албазинском уезде засевалось ежегодно свыше тысячи десятин казачьей и крестьянской пахоты и свыше пятидесяти десятин так называемой государевой пашни.

Однако же русские правители способствовали не только землепашству. Оно пыталось возделывать и дипломатическую пашню, подбирая ключ к торговым путям в Китай.

Боярский сын** Федор Байков, посланный в 1654 году царем Алексеем Михайловичем ко двору императора Поднебесной не был первым русским в Китайской столице. Когда в 1246 году иезуитский миссионер Карпини появился в Пекине, он встретил там русского князя Ярослава Всеоловича. Правда, пришел туда русский князь не по доброй воле, а как данник. И китайцы, и русские платили дань монгольской столице, именовавшейся вовсе не Пекин, а Ханбалык. Федор Байков ехал в Канбалаык - так писано в его посольском листе, с надеждой на торговые контакты.

Тем не менее, и ему предписывалось проведать: «Коль сильно Китайское государство народом, казною, войсками и городами?..» Опуская подробности байковского вояжа в Пекин, скажу сразу, что русского посла из столицы китайской просто выперли. И не потому, что он китайцам не пришелся по душе. Древний обычай Китая (существовал даже самостоятельный Приказ церемоний - Либу) предписывал любым иностранным посланникам, пожелавшим лицезреть богдыхана и вручить ему свою грамоту, выполнение церемонии «ке-тоу» (позже «коуюто»). А это означало, посол должен совершить перед символами императорской власти три земных поклона, трижды встав на колени. При этом на спину поклонника возлагалась плетка. Получалось, - поклоны бьет данник. Но сын боярский Байков взъерепенился, требованиям мандаринов не подчинился и его из

* Цзянъ-цзюнь - распространяющий величие.

** Боярский сын - из разряда городовых служилых людей.

столицы выдворили. Оказавшись у Великой Китайской стены, Байков опомнился. Надо же - целый год шел через коварную Джунгарию, через кочевья монгольские и напрасно: богдыхану царской грамоты не вручил, зря выходит, странствовал.

Сложившийся посол, согласился выполнить поклоны «по их вере в шапке», да поздно. Мандарины из Люфандюаня - трибунала внешних сношений отказались с Байковым разговаривать. Вернулся Байков через Забайкалье и, конечно же, знал о новых крепостях и острогах русских и в первую голову - о Нерчинске. Совпали по времени и выход посольства, и основание забайкальского города.

Следующий русский гонец в Пекин служивый человек Тарского города - с Иртыша! Иван Перфильев и его спутник Тобольский бухарец Сеткул Аблин через четыре года учили промахи Байкова, обряд церемониальный выполнили и представили очам богдыхана. То был отец Сюанье император Фулинь. Любопытно, как воспринимал он появление русских гостей. В ответном письме русскому царю было начертано: «...дань, которая от тебя послана, мы приняли и против того посылаем к тебе от нас жалованье и милость». Перфильеву, среди прочих китайских подарков царю было вручено десять пудов чаю.

С большим караваном Перфильев решил не связываться, чем лишил себя чайного первенства в Сибири, уступив его томским купцам. Иван вынес свой чай на пекинский рынок, продал и купил на те деньги 352 самоцветных камня: яхонты, лалы и прочее. Богдыханов подарок уместился в кармане.

Может быть не странно, но закономерно, что высокомерию Поднебесной, считавшей себя Срединным царством, а властителей всех окраинных земель - данниками, русские решили противопоставить свое верховенство.

В 1670 году из молодого Нерчинска с посольством в Пекин вышел боярский сын Игнатий Милованов. В наказной грамоте послу было предписано объявить Богдойскому царю (маньчжурскому императору - А.Р.): «...как под высокою Российской царского величества рукою находятся цари и короли со своими государствами, и великий государь жалует их, держит в своем царском милостивом призвании; то и он бы, Богдыхан, так же поискать его царского величества милости и жалованья и учинился бы под высокою его царского величества рукою... и дань бы ему великому государю давал...»

Милованова представили императору. Парадокс. Выполняя обряд «ке-тоу», русские представляли как данники. И тут же нагло заявляют, - ступай под руку нашего царя, господин Богдыхан!. Почему наглецов не повесили, а выслушали, наградили подарками и отпустили?

В это время на троне уже восседает Сюанье. Ему 16 лет. Он изучает маньчжурское боевое искусство и конфуцианство. Женат на племяннице высокочтимого мандарина Сонгтоу, но государством, по сути, не правит, а предается утехам молодости охотой занять, например. И преуспел на этом поприще Сюанье. За свою долгую жизнь он убил 125 тигров...

Государством же при молодом императоре правит Сонгтоу. А при нем - ватага иезуитов-советников. Эти братья христолюбивые сеют свои семена в Китае еще с XIII века - вспомним миссионера Карпини. Иезуиты в Китае тема отдельная. Но в случае с Миловановым они смягчили, отвели оскорбительные слова русской грамоты. И молодой Сюанье не услышал приглашения пойти под руку «чагань хана»*. По-китайски Милованов и его спутники не разумели. Так и отбыли они из Пекина через пять недель свято уверенные, что миссию свою выполнили. Надо заметить, что этот случай приглашения китайцев в подданство Москве не единственный. С той же затей в свои молодые годы носился и Петр Первый. Но во времени его воцарения и в первые годы правления в Приамурье положение сил изменилось и произошло это не вдруг.

За пять лет до посольства Милованова (1665 г.) в полуразрушенный китайцами Албазин вернулись русские. Французская поговорка «ищите женщину», как причину событий, здесь вполне уместна. Дело такое - служил в Устькутском остроге ссылочный поляк Никифор Черниговский, досматривал за соляными промыслами. И вот прибыл в Устькут воевода Илимский Лаврентий Обухов. И приглянулась ему жена Черниговского. Опохабил он ее силою и повез в Илимск. Польская кровь взыграла - Черниговский донжал воеводу, перебил его охрану и Лаврентия прикончил.

Сколотил после убийства ватагу и двинул с Лены на Амур. Слава кипящего соболями Албазина была широка. Никифор восстановил крепостишку, соорудил стены 18 саженей длины и 13 ширины, а после принял братья ясак с окрестных тунгусов пушистыми зверовыми шкурками. Ясак себе не присударивал, а стал слать его в Нер-

* Чагань хан - белый царь.

чинск. Надо же убийство как-то не только замолить, зааминить, но и гнев начальствующих сгладить. Словом, надо власть удобрять. И даже в Москву, Никифор послал повинную, подперев ее снизками - сорок сороков соболей пошли с челобитной. Сперва в Москве Черниговского приговорили к смертной казни, а сорок шесть его сотоварищей присуждены были «ко истязанию на теле». Но нашлась трезвая голова на Москве (1672 г.), задалась вопросом: «А кто ж восточные рубежи оберегать будет?» и было послано Никифору на Амур милостивое государево слово: за вину прощение и, сверх того, награда в две тыщи рублей. И албазинцы с того года стали жить вполне законно и полнокровно, вызывая недовольство заамурских соседей маньчжуков. Меж русскими и маньчжурами в те годы лежит пространная ничейная полоса.

К 1776 году в Пекине был в третий раз издан географический труд «Шенцзин тунчжи» - описание маньчжурских владений. Да и карты к тому труду приложились. Но как утверждает известный маньчжурец Г. В. Мелихов «ТERRITORIA к северу и западу от границы Ивового палисада не получила на карте никакого отражения... Официальные карты территории охватывают не только современный бассейн Амура, р. Нуныцзян, но и верхнее течение р. Ляхе, земли, лежащие к северу от Сунгари. Цинские картографы, несомненно, не располагали достаточным количеством сведений об этих территориях».

К 1683 году маньчжуры впервые предприняли попытку закрепиться в Приамурье. Как база для нападения на Албазин была заложена крепость Айхунь - центр новосозданного Хайлунцзянского наместничества.

«Шенцзин тунчжи» так описывает Айхунскую крепость: «от границы до этого места более 1 тысячи ли», то есть на нашем метрическом языке более 500 км! Шестью годами раньше был заложен город Гирин (современный Цзилинь).

И еще один имперский источник сообщает очень «важные» подробности: «Айхуньскому цзяньцзюню подчинены земли: на востоке - до моря, на западе - до Нерчинска, на севере - до моря». (Вероятно - Охотского! - А.Р.). Но тут же и оговорка есть - эти земли не включены в территорию империи. Не мудрено поэтому, что в Пекине не знали - Амур течет в широтном направлении.

Молодой Сюанье (девиз Канси) переводится как «процветающее и лучезарное правление», не раз и не два рассматривали пустое пространство на карте между Айхунем и Амуром. Но вел себя хозяин «драконового трона» отнюдь не лучезарно. Скорее всего, в те годы он более соответствовал смыслу своего до императорского имени - Сюанье (переводится как «синяя молния»). Он только что расправился с южными мятежными китайцами, последнее их убежище - Тайвань, было завоевано цинскими войсками. А в сторону севера - к русским летели пока молнии дипломатической лжи. Он посыпал в приказ внешних дел письма, смысл которых сводился к следующему: «русские неоднократно грабили земли Амура, а также проникли в бассейн реки Зеи, построили здесь жилища и освоили местность. Мы приказывали сановнику Миньюаню отвезти им указ, чтобы они вернулись обратно на свои исконные места... Русские, вторгшиеся в пределы нашего Амура, тревожат звероловов, убивают население. Мы уже посыпали войска, но усмирить их не могли. Прошло несколько лет, и ныне стало известно, что русские расселились вдоль всего течения р. Буреи и р. Амгунь...» В этом указе Сюанье трижды говорит о русских грабежах. И дело представлено так, будто ранее Приамурская долина принадлежала маньчжурам.

Три года Лифаньюань «стяпал» дипломатические документы, твердя из листа в лист - Приамурье было когда-то Маньчжурским, Сюанье-Канси видел свою историческую миссию в «освобождении своих земель».

Для начала Канси заслал под Албазин своих лазутчиков Лантана и Пучуня с отрядом, якобы для охоты на оленей. Почти тогда же Канси распорядился ремонтировать старые и готовить новые речные суда. В Гирине возводились новые верфи. До Албазина лазутчики добирались шестнадцать дней. Вернувшись в январе 1683 года и доложили - зимний путь на Албазин невозможен, густые леса забиты снегом. Летом там проливные дожди... Обратно лазутчики плыли до Айхуна 15 дней.

Выход в Пекине сделали тактический: через Сунгари и по Амуру вверх на судах прямо к Албазину можно доставить и провиант, и тяжелые орудия. Лазутчики уточнили донесение: «Полагаем, что без голландских пушек разрушить Албазин невозможно. Маньчжурские хроники того времени густо насыщены миролюбием Канси. Вроде он считает, что «война не является хорошим делом», но маньчжуры при этом подавляют и корейцев, и монголов, минский Китай, жгут солонские деревни по низовьям Сунгари. И вот очередь дошла до русских на Амуре. И не только. Канси прямо заявил -

* Ли - равен 0,5 км.

Нерчинск тоже стоит на его территории. При всем при том он готов вести мирные переговоры, когда русские покинут и Албазин, и Нерчинск... в Якутске.

Маскировка Канси под миролюбие имеет объяснение. Он не был готов к войне. Готовился. Запасался хлебом, строились суда, набирались бурлаки и матросы, верстались в службу монгольская охрана провиантского каравана. Шел отбор коней в императорских табунах. Разведчики составляли карты по берегам Сунгари (судоходные) и опробовали маршрут. Несмотря на скверное знание местности маньчжурский авангард все же занял плацдарм на правобережье. Дела шли ни шатко, ни валко и Канси пришлось сменить двух главнокомандующих войском в Приамурье. Подробности тех дней, действия и распоряжения Канси, наверняка, нашли отражение в имперских документах. Например, в «Да Цин личао шилу» хроника правления великих цинов. В который раз я сожалею, что не знаю китайского, а тем более маньчжурского... А в Барнауле первоисточники китайские с листа читает только Владимир Анисимович Мoiseев профессор, доктор исторических наук, создатель кафедры востоковедения в АГУ. Но, к счастью, есть уже переведенные на русский хроники.

Итак. 19 сентября 1683 года маньчжуры послали в Албазин двух русских пленных. Где-то на пашнях прихватили воители из Хайлунцзяна неосторожных земледельцев. Послали с угрожающим указом Канси. Он требовал: не принимать перебежчиков, вернуть тунгуса Гантимура и весь его семисотенный клан, русские должны покинуть Албазин. Маньчжурское войско теперь и «на вечные времена» размещается по правобережью между Айхунем и Кумарой. (Это нейтральные земли. На них издревле жили немногочисленные народности олотов, дауров, орочонов, орочонов-оленеводов, манегров, биралов, солонов. Все они платили дань маньчжурскому Мукдену, а позже Пекину. - A.P.)

Албазин молчал.

Маньчжуры принялись разорять мелкие поселения и остроги в устье р. Зеи, в среднем Приамурье. Даже Амур выше Айгуня был перекрыт - русские суда перехватывались. Но главное воинское снаряжение и пушки еще не подоспели к Албазину. Да и продуктов для войска не хватало. Главнокомандующий войском, основав свой штаб в Эсули - выше Айгуня по Амуру, еще только собирался переждать зиму, заставить дауров посеять и собрать зерно, а уж потом населить Эсули воинами. К апрелю 1684 года на Амур прибыли 600 воинов из мукденского гарнизона. Сроки нападения на Албазин тем не менее оттягивались. Главный маньчжур на Амуре Сабсу бездействовал еще два года, хотя к Амуру не без его участия прокладывался почтовый тракт. Между тем из Албазина от лазутчиков шли вести крепость получила подкрепление. Канси решился на ложный маневр - попугать русских в крепости, будто бы готовясь к штурму. На деле цель была иная. Канси приказал захватить урожай в окрестностях Албазина. Защитники перемрут без хлеба. И вдобавок припугнул русских: «Вы, русские, захватили наш Албазин и Нерчинск... Ныне наши войска выступили, чтобы уничтожить вас...»

Албазин молчал.

Но всех крестьян окрестных переселил в город, а соболятникам выход в тайгу был запрещен. Подкрепление в самом деле подоспело из Нерчинска подошло 400 человек. В ответ на это Канси послал к Албазину дополнительные войска из внутреннего Китая. Но русского хлеба на полях маньчжуры захватить не успели. Русские сами управились. Канси гневался и в августе 1684 послал свои высокие упреки на Амур. Сабсу отстранили от командования войсками. Его место в феврале 1685 года занял передешедший к Канси с Тайвани Хэ Ю. Чтобы исключить голод в армии император распорядился послать хлебную дань дауров не в Пекин, а на Амур. Тогда же вместе с хлебом из Пекина подброшена весьма каверзная фальшивка - воины империи идут защищать от русских малые народности Приамурья и ради этого русских «следует немедленно уничтожить». В одном из указов император дошел до крайности: «...Вам, русским, следовало бы побыстрее вернуться в Якутск. Ловите там соболей и не вторгайтесь в наши внутренние земли...»

Эти грамотки маньчжурские в Албазине читал новый комендант - Алексей Толбузин, прибывший на Амур в конце прошлого года. У Толбузина под рукой было сбродное воинство: казаки, посадский люд, промысловики и крестьяне из окрестных деревень - не более 450 человек. Мушкетов - 300. А вся артиллерия состояла из трех пушек.

Долго запрягали маньчжуры, собираясь штурмовать Албазин. Только к середине третьего года - 23 июня 1685 года основные войска под командованием китайского князя Пэнчуна подошли к стенам крепости. Со стороны маньчжурской на 100 судах к Албазину подступило 4500 человек и около 10000 сухопутного войска. Только осадных пушек насчитывалось 45, а полевых и того больше - 125!

25 июня полетели китайские ядра в Албазин, а 26 начался штурм. Живое маньч-

журское кольцо вокруг деревянных стен не испугало защитников. Атаки ложные и явные албазинцы отбили и даже совершили несколько ответных вылазок. Мощный численный перевес штурмующих тем не менее давал знать о себе. Пока пушки голландского образца поплевывали ядрами, сотни воинов потащили к стенам крепости хворост. Командир одной из маньчжурских армий Лантань предложил сжечь город. Так и поступили. Уцелеть в тесных горячих стенах было невозможно.

Толбузин, не желая потерять казаков, вступил в переговоры об условиях сдачи. По указам Канси русские должны были оставить крепость и уйти. Об этом и условился Толбузин с маньчжурами. Они сопровождали уходящий гарнизон верст двести - до самого устья Аргуни.

Весть о победе настигла Канси, когда он ехал в Загородный дворец в Бойча. Не выказывая внутреннего ликования, император Поднебесной только и сказал: «Уничтожение русских всегда было трудным делом...»

По случаю взятия Албазина маньчжурский император устроил в Пекине торжества. Они состояли из церемониального оглашения указов Канси и выполнения ритуальных поклонов. Военный успех под руководством Пэнчуя был оценен императором в следующих словах: «...В течение многих лет мы не могли изгнать русских. Этую победу еще мало считать заслугой первой степени. Ее следует назвать первой среди военных заслуг первой степени...»

Албазин, казалось, больше не беспокоил Канси. После ухода остатков русского гарнизона маньчжурские войска сразу же были отведены в крепость Хэйлунцзян. Военная добыча маньчжуков состояла из 25 албазинцев. К албазинцам в Пекине еще будет повод вернуться.

В Нерчинске Толбузина встретил гневный воевода Власов. Он не мог примириться с утратой крепости на Амуре. И уже было кое-что сделано для ее восстановления. Из Енисейска поступили воинские припасы, подоспел полк под командованием Афанасия Бейтона. К Албазину послали на струтах разведку. Надо было знать - что осталось от крепости после пребывания в ней маньчжурских солдат. К августу 1685 года разведка сообщила - острог и все окрестные деревни выжжены. Но маньчжуры почему-то не тронули посевов - хлеб стоит неубранным на тысяче десятин. Эта весть подхлестнула Власова и он распорядился - Толбузину восстанавливать разрушенное, а вместе с ним отправил отряд Бейтона. Двести казаков его отряда должны были убрать хлеб и остаться в Албазине.

И 27 августа 1685 года Толбузин и Бейтон с шестью сотнями забайкальского воинства прибыли на пепелище.

Албазин был восстановлен.

Но это был уже не деревянный острог, а регулярная крепость с земляным валом высотой в полторы сажени, по углам и на выступах вала расположилось три чугунных пушки и пять медных. Толбузин не собирался уходить с Амура и приказал посеять озимый хлеб. И продолжить сбор ясака с окрестных аборигенов. Албазин жил тревожно, но деятельно. И даже начали недалеко от крепости плавить чугун и ковать из него недостающее снаряжение. Не сомневался Толбузин - минуту зимы и к стенам крепости по первой же чистой воде подойдут маньчжурские посудины, в которых солдат будет, как семечек в огурце...

Канси ни сном, ни духом не ведал о том, что русские вернулись в Албазин. Императору решились доложить об этом только в феврале 1686 года.

«Римский император, помнится, твердил: «Карфаген должен быть разрушен!» Император Поднебесной твердил распространителям своего величия: «Албазин должен быть разрушен!» Правда в маньчжурском варианте воинственный напор приобретал иную словесную оболочку. В одном из указов есть такие строки: «Ныне Сабсу и другие доносят, - что русские вновь отстроили Албазин. Следует немедленно выступить на них походом и уничтожить».

Сын Канси Юн-чжен, преемник Сына Неба на драконовом троне, считал, что его отец отличался «распространением гуманности сверх всякой меры». Поступки отца сын объяснял тем, что его благая «подобная Небу сила «дэ», заключавшаяся в любви ко всему живому, находилась в согласии с сердцами людей, а к его сострадающей гуманности невозможно было что-либо добавить».

Добавлю. «Следует немедленно выступить на них походом и уничтожить».

Но на дворе февраль и до Амура ни троп, ни дорог. Тракт на север еще не построен. И пока албазинские соболятники заняты своим промыслом, караульные отряды, каждый в свой черед, ходят в береговой дозор. А Канси собирает высокий государственный совет и тех, кто спалил Албазин: Пэнчуя, Дунбао, Баньдарша и Лантаня. Заметим, между делом, что среди покорителей деревянного русского острога нет ни одного китайского имени. Только маньчжурские. Китайцы у Канси в полковниках и героях ходят редко. Решено - с первой водой войска двинутся на Амур. Посланые

разведчики (из приамурских аборигенов) захватили в плен русского охотника и выяснилось - Албазин хорошо укреплен, гарнизон в нем более 500 человек, есть и пушки. Это известие охладило намерения Канси - штурмовать русскую крепость немедленно.

...Только 11 июня маньчжурские войска прибыли на Амур. Войска были разделены на две части - одна по суше, другая по воде двинулись к Албазину.

Первый же маньчжурский отряд, подступивший к земляным валам, был встречен ружейной и пушечной пальбой. За первым отрядом стояла изрядная сила. На сей раз к Албазину только конного войска пришло до 3000, да прибавить к этому на 150 судах более 4500 человек получается: на семьсот человек у Толбузина приходилось 7500 маньчжурских воинов. Плюс к этому 40 осадных голландских пушек.

...Осада Албазина, начавшись в июле, даже и к декабрю не принесла успеха воинам Поднебесной. Мне не встречалось каких-либо сведений о потерях осаждавших. Но есть печальная подробность о потерях среди защитников крепости. В сентябре комендант Толбузин был тяжело ранен, а через несколько дней скончался. Командование гарнизоном взял на себя Афанасий Бейтон.

...Появление Бейтона на сибирском горизонте было для меня загадочным. История Албазина высвечивает его имя с Енисейска - бейтонов полк пришел оттуда. Некоторые источники называют его служилым немцем, которого Москва направила в Сибирь «для устройства регулярного войска». Но как Бейтон оказался в Москве и где он овладел военным искусством? Есть довольно туманная версия, что Бейтон шотландец и в Москве он оказался в качестве пленника. Пленник на русской службе? Ничего странного. Достаточно вспомнить ряд имен из петровского окружения. Букет наемников, бродивших по Европе, Петром Первым был собран изрядный. Однако же Афанасий Бейтон в России появился до царствования Петра. А может быть это был отец Афанасия?

Полная неясность, если учесть, что ни в знаменитом словаре Брокгауза, ни в «Русском биографическом словаре» нет ни единой строки о Бейтонах. Возвращаюсь к давно читанному мной первому тому «Русско-китайских отношений в XVIII веке», открывая именной указатель. Батюшки! Сразу пять Бейтонов и первым в ряду Афанасий. Прибавьте к нему четырех его сыновей. Но и опять же - в бледных деталях высвечивается только сибирский отрезок его судьбы, только век XVIII.

Приходится в очередной раз посетовать - насколько мы разобщены межобластными изоляционными перепонками (чтоб оно крякнуло, это скользко-винтовое слово «информация!»), поскольку известия, вести, повесть нам так трудно получить друг от друга. В этом смысле «паутина» электронная не только иго, но и благо. Положился на «благо» и нашлась родная душа, нажала компьютерную пипку в поисковой системе «яндекс», набрав имя «Афанасий Бейтон».

Вот так я и познакомился с интереснейшей работой новосибирского историка Андрея Зуева «Забытый герой. Штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона».

Самое удобное время сказать здесь, что до второй осады Албазина маньчжуры имели дело с уже знакомой силой - сибирскими казаками.

Противные стороны уже успели узнать приемы и способы ведения боя друг с другом. Но с появлением Бейтона дело под Албазином решительно переменилось.

Прежде всего, кто он и откуда. Судя по письму Бейтона, по его членитной он родился «в Прузском государстве», там и получил военное образование, участвуя в Тридцатилетней войне. На службе у Алексея Михайловича с 1654 г., под русским флагом был в боях за Смоленск, ратоборствовал под Шкловом, Быховом, Слуцком, Ригой, и что важно для Албазина - защищал осажденный Могилев.

А теперь о защитниках Албазина. Бейтонов полк это, по сведениям А. Зуева, тобольское формирование. Полк собирался с миру по нитке, с городьбы по служивому. Для защиты забайкальских рубежей поверстали казаков тобольских, верхотурских и тюменских. Но и немалая доля полкового поголовья состояла из крестьян и гулящего народа. То есть это были люди «не воинского уклада». Полк, пока он добирался до Енисейска, получил славу казачей ватаги, при появлении которой в сибирских городах ворота запирались наглухо. Стало быть, казна на такой кошт поставила, коли вынуждены были казаки заниматься самопропитанием.

Бейтон, получив под свою команду такое сбродное воинство, палку через колено не ломал, не гнул. Знал у палки два конца, второй достанется ему. И потому смиренно, пусть и с задержками, но довел полк до Нерчинска, а затем ядро его и до Албазина. И вот парадокс - как ведет себя, как поступает в минуту грозную и опасную тот народ, который еще вчера считали «сбродом». Вот что пишет А. Зуев: «К лету 1686 г. почти полностью была возведена новая крепость. По исследованиям хабаровского археолога А.Р. Артемьева, она была построена с учетом достижений европейского форти-

фикационного искусства, ориентированного на укрепления бастионного типа». Значит, Бейтон сумел направить разгульную вольницу на дело. Крепость устроена. Подступают маньчжурские отряды. Лето 1687 г. Едва первые сотни маньчжур пытаются высадиться на берег и подойти к земляному валу, Бейтон со «вчерашними озорниками» сшибает их с берега в Амур да так дерзко и напористо, что по словам Зуева «среди маньчжуров началась паника, и их командующему Лантаню пришлось лично наводить порядок в своих войсках. 9-12 июля русские вновь пытались сбросить противника в Амур...»

При этом не надо забывать, что осенью предыдущего года Бейтон со своим отрядом колошматил маньчжур у Монастырской заимки, а весной 1686 на р. Кумаре. Диво-дивное. Бейтон с гарнизоном менее 700 человек - ведь и потери есть! - противостоит семи тысячному маньчжурскому войску. Иного названия этому, как искусство обороны, не придумаешь. Но в Албазине искусство не могло выжить и проявиться без мужества. Самый оголтелый натиск маньчжуров - это июль, сентябрь и октябрь 1686 г. Гарнизон отбил три штурма Албазина! Более того, Бейтон устроил пять вылазок в маньчжурский стан!

Как пишет А. Зуев «...к декабрю 1686 г. в живых осталось всего 150 «осадных сидельцев» да и «те все оцинжали», так что караулы в крепости могли держать не более 30 ратных людей и около 15 «подросков».

Об этом кромешном сиденьи в Албазине Бейтон писал Нерчинскому воеводе И. Власову «...странное время было: друг друга не видали, и кто поздоровей раненные и кто умрет, не знали, потому что скудость во всем стала... Пили мы с покойным одну кровавую чашу, с Алексеем Ларионовичем, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали, и видим себе всегда час гробный...»

Вспоминая, почти на слезе Алексея Толбузина, Бейтон напоминал Нерчинску албазинцы ежечасно смотрят смерти в глаза.

Нерчинск помочи не подал.

Нечем и некем было помочь. Маньчжуры неоднократно предлагали Бейтону добровольную сдачу, но он отвергал этот путь.

Тогда маньчжуры предложили Бейтону лекарства и лекарей и обещали иные милости. Даже хлеб обещали. Бейтон приказал наскрести по сусекам муки и албазинские стряпухи замесили тесто. Пирог получился важнецкий - одному не унести. Вот его-то и отправил Бейтон с парламентерами в лагерь неприятеля, как ответ на угрозу: «Русские, вы передохнете от голода!..» Между тем и в стане неприятеля от «хлебной скучности» люди умирали десятками.

В начале мая маньчжурские войска отошли от стен Албазина на 20 ли к городу Чакэдань. Но требования - добровольной сдачи - не оставляли. Это была уже не осада и обстрел, а так называемое «обстояние», когда тебя берут на измор.

Албазин жил на виду маньчжурских караулов все лето. И даже пашню близкнюю взрыхлил. И вдруг в конце августа к Бейтону прискакал взъерошенный казак из дозора, крича еще издали:

- Ушли! Ушли!

Успокоился дозорный и доложил Бейтону: Маньчжуры сняли свое кольцо измора и ушли вовсе.

Итак, Албазин выстоял. Завидное мужество. Даже издалека - три с лишком столетия миновало. Конечно же, это не только Бейтон со своими стрельцами и казаками заставил отступить войска Канси. В эти годы Поднебесной империи в затылок дышали и всадники Джунгарского ханства. В лучшие сильные годы этой кочевой грозы она подходила к Пекину, угрожая ему на расстояние до 500 км. А теперь, в конце XVII в. между Цинской империей и Джунгарией начиналась решающая грызня за Халху (Монголию). За время осады - с июля 1686 до августа 1687 - в Пекине побывало два русских посланника с предложением начать переговоры о границе. И как ни унизительно было требование Канси - переговоры должны быть в Нерчинске, - русские посланники согласились.

И пока длился этот дипломатический обмен Албазин не дал повода Пекину сомневаться в русском мужестве.

* * *

Можно было бы кратко сказать - да, по условиям договора между империей Цин и Русским государством Албазин «должен быть разорен до основания». Да только ли Албазин? Подробности подготовки Нерчинского трактата высовечивают более обширную подоплеку поведения Поднебесной.

К 1689 г. после визита в Пекин русского посла, доставившего богдыхану известие о назначении Федора Головина послом на переговоры, Канси тщательно и не один

год готовился. Он согласился переговоры необходимы. И назначил первым послом командующего императорской гвардией Сонготу, вторым командующего одного из восьми корпусов - Тунгогана, третьим - командующего монгольским корпусом Лантаня. В многочисленном посольстве в его верхушке было всего два китайца, да и то на ролях второстепенных. Дипломаты маньчжурские, едва отправившись в путь, вдруг замерли у последних маньчжурских караулов. Их остановило известие - между Халхой и Джунгарией началась война. Опасно идти через поле брани. А возможность ее возобновления на Амуре между маньчжурскими солдатами и русскими казаками тоже не исчезала. Война будто бы балансировала на острие сабли. Судите сами. Оставил свои притязания на левый берег Амура в 1687 г., солдаты империи Цин на следующий год снова подошли к Албазину. Полководец Лантань, возглавляя 1500 хайлуцзянских воинов, обосновался в уже упоминавшемся Чакедане. А это всего 20 ли от Албазина. Разведку - «каково там русским в крепости?», осуществлял отряд в 500 сабель. Нагло проскаакали проверяльщики по засеянной албазинской пашне, обнюхали стены крепости и на другой день войско и водой, и сущей пошло вверх по Амуру - разведка продолжалась до Аргуна. По сути все дни и месяцы до переговоров в Нерчинске Албазин был на прицеле у маньчжурских стрелков. Даже когда в Нерчинск прибыл русский посол Федор Алексеевич Головин. Туда же прибыли и послы, назначенные Канси. Но с каким шлейфом! Пешее воинство составляло около 10 тысяч солдат, а то, что двигалось по Амуру и Шилке, размещалось на сотне судов.

Канси послов провожал торжественно - вручил полководцам восемь знамен с изображением драконов. По ритуалам империи Цин такие знамена вручаются тем, кто готов воевать.

В начале июля 1689 г. маньчжурская флотилия высокомерно прошла мимо Албазина - путь на Нерчинск водой открыт, препятствий нет. Да и что за препятствие - Албазин, в котором весь бейтонов гарнизон не превышает сотни казаков.

Цинское посольство пришло к Нерчинску раньше Федора Головина. По пути оно обросло дополнительными отрядами. Маньчжурских дипломатов охраняло около 15 тысяч солдат с 50 пушками, за спиной дипломатов покачивалось более сотни судов с военным припасом.

У Головина - 600 человек Нерчинского гарнизона и 2000 солдат он привел с собой. Когда эти цифры сопоставляешь при свете нынешнего дня, невольно подумаешь - какое же короткое военное одеяло у Русского государства! По всей Сибири-Матушке насекребли две тысячи бойцов. А может быть я не прав? Может быть эти две тысячи почетное сопровождение? Только и всего. Да нет. О каком почете речь, коли Головин знал - переговоры будут о дележе приамурского пространства. Из хитро составленных грамот Канси, доставленных к русскому двору, ведь известно было - на что претендует Поднебесная.

И в первый же день - 22 августа маньчжурская сторона высказала свои требования: к нам отойдут все земли, лежащие восточнее реки Лиянацзян (Лена)! Дескать, некогда, в давние времена, по этой реке проходила граница нашего государства.

Как записано в отчете цинского посольства: «...Федор не согласился». Имеется в виду Федор Алексеевич Головин.

Русский Федор не согласился и завтра, и через десять дней тоже не согласился. Вот тогда-то Лантань и потерял терпение и склонил Сонготу - пора в ход пускать тех, что шли за нами следом. И начались маневры маньчжурских солдат вокруг русского лагеря, над полками развернулось восемь разноцветных знамен с изображением драконов. Маньчжуры угрожали Нерчинску штурмом...

Через несколько дней Головин, долго не выходивший из своей палатки, согласился, но на свой лад. Межа пограничная пойдет по Аргуни до устья реки Горбицы, а далее горами хребта к востоку до моря...

И на этом условии обе стороны согласились. 27 августа 1689 г. Нерчинский трактат был подписан.

А что же с Албазином по тому трактату?

Албазин должен быть разорен до основания. Русским с берегов Амура уйти.

И ушли. На полтора века ушли.

Албазин был на протяжении сорока лет не рядовой крепостешкой с земляным валом. Мало ли таких крепостей просуществовало и поболее сотни лет. Нет. Албазин это русский ключ к Амуру, к Приамурью. И вот этот ключ вырвали из рук.

Но прежде чем ключ вырвать, руки нужно вывернуть. Именно так говорили в сибирских городках, подразумевая, что русскому послу в Нерчинске маньчжурское посольство руки вывернуло. Мужественный человек Федор Алексеевич вынес эту боль,

выдержал обидное насилие, ради того, чтобы сохранить освоенное русскими пространство Забайкалья и не доводить дело до войны с Поднебесной.

А в Поднебесной члены Государственного совета составили сыну Неба - императору такое донесение:

...«Вы, ваше величество, сразу же согласились снять осаду и отдали сановникам распоряжение объяснить русским принципы справедливости. Только тогда люди Русского государства осознали великие милости вашего величества и стали склоняться к нашей цивилизации и целиком согласились выполнять достигнутую ранее договоренность. Наши сановники указали им, где должна быть установлена граница. Таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве несколько тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Срединному государству, вошли в состав ваших владений. Все это целиком является результатом великой всеохватывающей мудрости вашего императорского величества...

Русское государство никогда не имело связей с Срединным государством. Русские по своему характеру чрезвычайно свирепы и их трудно подчинить. Однако в настоящее время они проявляют покорность. ...Слава о ваших деяниях проникнет повсеместно, распространяясь даже на бесплодные пустыни, которые стали отныне принадлежать нам...»

Эти слова не могли вырваться из стен императорского дворца. В противном случае люди бы увидели - какой дракон лжи простирается над Амуром и над его окрестностями.

* * *

После заключения Нерчинского трактата мало-помалу начали русские купцы торговаться с Китаем. На первых порах это были частные складчики, как это издревле водилось в торговом мире. А в самом конце XVII в. в Китай пошел первый караван с государственным товаром. Комиссарами его были торговые гости* С. Лянгусов и И. Саватеев.

И как только вернулись первые даже и не гильдейские караванщики из Китая - в Селенгинске, в Нерчинск пошли разговоры об албазинцах в Пекине.

Разговоры имели под собой реальную основу.

Не пошедшие с Толбузиным в Нерчинск албазинцы (их было немного), а более всего те, кто пленен силою, были увезены в столицу империи. Из них и состояла первая русская православная община в Китае. Канси распорядился выделить ей отдельное подворье в северо-западной части Пекина, но числились албазинцы при императоре. И вчерашние енисейские, нерчинские и якутские казаки считались не просто служилыми, а были включены в наследственное военное сословие империи, входя в гвардию Канси под именем Русской сотни. Все получили албазинцы: и одежду маньчжурской гвардии, и жен китаянок, и крышу над головой. Но духовное окормление православных неприкосновенно оставалось за русским священником Максимом Леонтьевым. Отец Максим был пленен вместе с другими при взятии Албазина. В Пекине для горстки православного народа была выделена полузастроенная ламаистская кумирня. Казаки засучили рукава китайских мундиров и привели кумирню в божий вид. И отец Максим служил в ней четверть века, проповедями и требами поддерживая родную веру в сородичах. По сути своими трудами Максим Леонтьев положил начало не только Русской Православной Миссии в Пекине, но заложил крепкий камень веры в основу русской дипломатической миссии, поскольку до 1864 г. православный центр в Пекине выполнял и дипломатические обязанности. Вопреки донесению иезуита Францишка Эмилиана, сообщавшему в Прагу главе ордена в 1698 г. о некоем русском купце, завезшем в Китай православного священника. По Эмилиану вышло так: священник построил церковь и в день освящения после литургии 12 китайцев «присоединились к русской схизме». Отцы нашего ордена, увидев это, устроили так, что церковь была закрыта, а священник был удален за пределы государства в свою московскую землю...

Соврал падре Эмилиан. Не удалились русские священники из Пекина и по сей день на территории Российского посольства стоит та, албазинцами устроенная церковь. И, начиная с XVIII в., ни один русский посол в Пекине не миновал Никольской церкви на албазинском подворье. Да и русским купцам, прибывшим в столицу империи Цин было где помолиться. Но из всего многочисленного ряда побывавших в Пекине российских людей в петровское время меня привлек Лоренц Ланг.

Ланг побывал в Китае в первый раз в 1715 г. как тайный агент Петра I. Второй визит затянулся: с 1718 г. до заключения Кяхтинского трактата. В Кяхте между Российской империей и империей Поднебесной уже не шло речи о приамурских границах, никто не вспоминал об Албазине. Цинцы все-таки проглотили Халху (Монго-

* Торговый гость - купец, имевший право торга за границей.

лию), отодвинув от лакомства военным плечом ослабевшую Джунгарию, а далее предстояло утвердить новые границы на севере маньчжурской империи. Четкой границы между Монголией и Россией в те годы не существовало. Опять размежевание.

Лоренц Ланг состоял секретарем при посольстве Льва Измайлова (1719 г.), имевшего простую цель - утвердить торговые правила, по которым русские купцы будут пропущены в Китай. А секретарю предполагалось остаться в Пекине в качестве русского консула, чтобы обеспечивать интересы русского купечества. Но маньчжуры консула не приняли, хотя и поиграли с Лангом в кошки-мышки. Ланг, оставаясь в Пекине после отъезда Измайлова в качестве торгового агента, был принят на самых высоких уровнях. Это видно из реляции Ланга Петру I: «...по его бодыханского величества указу призван я был из Пекина в Ехол, где есть изрядно забавной дом, в котором сам монарх со всеми своими дворовыми для холодного и здравого воздуха летом забавляется». Далее из реляции понятно - зачем пригласили Ланга с загородный дворец Канси. От его имени Ланга известили, что император намерен отправить в Селенгинск четырех своих мандаринов с тем, чтобы они проследовали далее к западу - за Байкал к месту, называемому у монголов Табун-Мундурга. Будто бы там на горе Сансан-камин «находится некоторый особливой идол, которого Тамерлан в великом почитании имел и тамо жертвы приносил. Оную идолу его бодыханскому величеству для великого действия и особливо от произшедшего чудотворения кутухта* так выхвалил, что его бодыханское величество оных четырех мандаринов желает туды отправить и оной идол, ежель возможно, в Пекин привесть...»

Церемониймейстер загородного дворца попросил Ланга дать тем четырем мандаринам паспорта для беспрепятственного проезда по российской земле: от Селенгинска до Саян. Как ни вертелся Ланг - у него не было полномочий выдавать такие паспорта, но ему поставили условия весьма жесткие и он выдал некое свидетельство, что мандарины едут по договоренности между императором Канси и русским послом Измайловым. И через неделю четыре мандарина выехали из Ехола, а Ланг вернулся в Пекин.

Лорен Ланг появился при дворе Петра I уже сформировавшимся человеком. Он был приемным сыном личного царского врача Арескина.

Врач, как известно, был выходцем из Англии, и, разумеется, не был православным, как и его приемный сын. Поэтому Лангу не составило труда, будучи в Пекине, познакомиться с иезуитами. Они находились в фаворе у Канси благодаря своим научным познаниям, а потому и удалось иезуитам в 1692 г. добиться принятия закона о признании христианства в Китае.

Ланг вернулся в Пекин и пошел к своим друзьям иезуитам. Цитирую: «уведомился я от иезуитского патера, что отправлением оных мандаринов здешний двор весьма иное намерение имеет, нежели для идолы, а именно такое, что те мандарины искать будут в разных местах пограничные знаки поставить, чтоб тогда китайцы, когда до разграничения приходить будет, вперед до сим пограничным знаком требовать могли, будто оныя издревле поставлены. И тако, по их мнению, трактаты о границах в пользу их могли заключены быть».

Очень важное наблюдение сделал иезуит. Мало отправить из Пекина в соседнее государство ложную грамотку о том, что земля, на которой вы (соседи) живете, ранее принадлежала маньчжарам! Нет. Еще нужен камень-ложец, закопанный хитроворовским способом на чужой горе. А прежде чем отправить четырех мандаринов в Саяны - наставили маньчжуры своих каменных столбов почти у крыльца Нерчинской приказной избы. Тунгус-соболятник Даурчикан посыпал своих сородичей в Нерчинск, чтобы сообщить о появлении в тайге богдойцев (маньчжур). Записали в приказной избе свидетельство охотников: «...а на тех де местах у них, богдойцов, ныне и межа поставлена, и ту между они, тунгусы, видели - на Курче Манчутое складен де каменной как столб, да и письмо на том месте подписано». Далее тунгус сообщил, что богдойский отряд двинулся вниз по Онону до устья реки Борзи. Тунгусы-охотники утверждали - путь отряда богдойского можно проследить по надписям на камнях.

На южных окраинах русских земель, где крепости только поставлены: Семипалатинская, Долонская, Убинская, - еще и не ступала нога маньчжура, отсюда только-только оттеснен мягкий джунгарский сапог, но и на эти земли у Поднебесной свои виды. В 1720 г. посланник Петра в Пекине преображенец Лев Измайлов получил «для мемории письмо ис Трибуналу иностранных дел». Письмо весьма странно, но в нем есть важный для избранной темы пункт под номером «восемь». Итак, цитирую:

«В прошлом году посланным ис Пекина войскам их в Бухарах город Турофан, которым завладел было контайша, паки им отдался, и в средину конташина кочевья

* Кутухта - иерарх ламаистской церкви.

вошли имилчары и многие тысячи в полон побрали. У реки, где кочуют урянха, со 100 человек построили было острог, о чем писано к сибирскому губернатору Гагарину, что такого строения прежде не бывало (события 1708 г. - А.Р.). И для того острог разорен и люди выведены, и та земля стала быть их. Река Ангара в стороне российской пограничная, которой дале к их стороне после мирных договоров построены вновь города Амукан, Селенгинской, Удинский, Нерчинской, и от времени до времени в их границы приближаются. Також по Иртышу у соляного Озера (Ямышевского - А.Р.) в разных местах ставят крепости. Ныне война с контайшею приходит ко окончанию, и для того на Иртыше крепость китайцы построят и войсками своими наполнят...

Здесь, прежде чем об Иртыше, оговориться надо. Врет кансиевский Люфаньюань. Города Нерчинск, Удинск и Селенгинск построены до 1689 г., когда заключался Нерчинский трактат.

Война между империей Цин и Джунгарией «ко окончанию пришла» только через тридцать лет. И не успели цинцы «крепость свою поставить и войсками своими наполнить». Их опередил майор Преображенского полка Иван Лихарев. В то время, как из Люфаньюаня в Пекине русскому посланнику, тоже преображенцу, Льву Измайллову передавалось выщечитированное письмо, Лихарев ставил на Иртыше Усть-Каменогорскую крепость.

Но летит, летит маньчжуро-китайский дракон над южным русским порубежьем, и аки птица гадкая пометно свои знаки на камни роняет, утверждая иероглифно «Мое!» Пропунктируем полет и помет дракона: Албазин - Нерчинск - Саяны - Хонгорой - Алтай - Иртыш. Над этим огромным пространством с 1685 и до 1858* реально огнеизрыгающее и мысленно сея лож, реяло тело маньчжурского дракона, размахивая жадным до пространства крылом в чужих пределах.

В 1756-58 годах император Цяньлун утопил Джунгирию в крови. Перестала быть на земле последняя кочевая империя. Логика династии Цин: «То, что раньше принадлежало мной покоренному, отныне мое» реально проявилась в предгорьях Алтая. Добивая остатки джунгар в 1756 г. по данным профессора В.А. Моисеева, - двухтысячный отряд маньчжур вышел к Горной Колывани. Осады не было. Она вполне могла быть, но непокорные уйгуры в Синьцзяне взметнули мощное восстание и цзянцзюням, чтобы не только распространить свое величие, но и утвердить его, пришлось срочно стягивать отряды в Синьцзян. Однако же еще долго в русскую сторону из Люфаньюаня Трибунала внешних сношений, - летели вопросы: «Почему на землях их бодыханова величества построена русская крепость Гиловантара? (Колывань. - А.Р.)

В 1756 г. маньчжуры ушли от Колывани усмирять уйголов. Но сколько и каких камней, с какими иероглифами оставили они на вершинах наших гор и горушек? По словам востоковеда профессора Моисеева уйгуры в Казахстане иероглифированные камни до сих пор находят.

* * *

В разные годы мне доводилось бывать на Амуре. И на самом его устье, где глаз мало увидеть берега, и по душе мне было раздвигать плечом зимнюю жесть дубовых листвьев, когда я бродил на лыжах возле самого слияния Уссури с коренным Амуром под Хабаровском. В 1979 г. с пограничной вышки заставы № 1 в Благовещенске сквозь линзы оптического прибора я разглядывал китайский берег. Там лежал убого серый и, казалось, безжизненный город Хэйхе, над которым возвышалось 111 погасших труб - эпоха домашней выплавки железа шла к закату, если уже не закатилась. Одиночные фигурки на том берегу, вяло двигаясь, собирали плавник и хвост. Иных признаков жизни, даже с помощью оптики, увидать не удалось.

Тогда я не думал, что разглядываю маньчжурский берег. Тогда это был загадочный и закрытый Китай.

Несколько позже, в самом начале нашего перестроичного переворота, повезло мне взглянуть на Маньчжурию изнутри. Это были города Чан-Чунь и Цзилинь (бывший Гирин), центра одноименной провинции, широко и высоко вставший на берегах Хунгари. В Чан-Чуне хозяева-писатели в первый же день гостеванья устроили экскурсию во дворец последнего китайского императора Пу И. Следуя за экскурсоводом - он с многоизвестной китайской вежливостью показывал нам покой императора и его жен. Ну времена! Ну нравы! Раньше сюда, кроме евнуха, не мог войти даже Лантань или Сонго-

* В 1858 г. был заключен Айгунский договор, по которому левый берег Амура от слияния рек Аргуни и Шилки до морского устья признавался владением России. Условия Нерчинского договора отменены.

ту. А теперь вот толпа сибирских мужиков разглядывает резьбу императорского возлелица. И все же я больше раздумывал о том, почему утром, когда выяснилось, что среди китайских писателей есть настоящий «манчжуго го» - маньчжур и я рванулся было беседовать с ним, переводчик-китаец с изяществом фокусника сделал так, чтобы я того маньчжуру больше не видел. А мне так хотелось расспросить его об императоре Канси...

И о тех временах - это уже в Цзилине, когда город назывался Гирин и отсюда шли вооруженные люди, чтобы пешком, на конях или в лодке достичнуть Амура и подступиться под стены Албазина. Увы. В цзилинских беседах, в цзилинском застолье вопроса об эпохе Канси вставить было некуда. Приемы, благопожеланья и гости были подогнаны друг к другу так ловко и плотно, как черепичка на кровле императорского дворца, что становилось ясно - дождь откровенности не прольется. Вопросы можно было задавать только волнам Хунгари. Но сколько ее утекло в Амур со времен Албазина.

Об императоре Пу И нам рассказывали более охотно. Особенно о том, как после долгого сиденья в наших сибирских лагерях под Иркутском в 1950 г. он вернулся домой в свой дворец. И до самой смерти оставался при нем. Садовником.

Я вышел во двор замузеенного последнего пристанища императора, чтобы разглядеть со стороны силуэт столь примечательного строения. В Чань-чуоне, так тогда говорили, Канси принимал русского посланника Измайлова... Загнутые кверху углы кровли, казалось были подтянуты к небу невидимой крепью. Или ее заслонил поваливший снег?.. На гребне кровли возлежал толстотело дракон. В его закаленную огнями керамическую пасть падал незлой и мягкий декабрьский снег и не таял.

* * *

Я никогда не был на Верхнем Амуре. И потому, когда на съезде Сибирских писателей увидел поэта, забайкальца Михаила Вишнякова, очень обрадовался: «Вот у Миши-то я и расспрошу - что там теперь?» Но Михаил меня не обрадовал, поскольку развел руками: «А ничего. Никаких даже признаков крепости...»

Так я и думал, что берег Амура в том легендарном месте лежит впусте. Но что-то заставило меня развернуть одну дорогую для меня карту. Названье ей «Байкало-Амурская магистраль». Она встретилась мне в каком-то благовещенском магазине и я ее даже при бесконечных переездах не потерял. Она роскошно просторна и самое важное подробна! Весь Амур - от истока до устья. И деревеньки, и села по русскому берегу. Нахожу приметный изгиб и читаю: Албазиха! А чуть ниже по Амуру Бейтоновка!

Стало быть, не зря ты, Афанасий свет Иванович с тобольским сбрodium полком хлестался на этом берегу. Звенит по тебе на Амуре золотая струна народной памяти. Имя - на карте!

P.S.

Весной 1918 г. отношения между Россией и Китаем ухудшились настолько, что китайский посланник был отзван из Москвы в Пекин. Начинался затяжной конфликт вокруг Китайско-Восточной железной дороги. А в 1920 г. в верховых Иртыша полыхнул конфликт вооруженный. И происходило это не в Приамурье, а в верховых Иртыша, в районе, отнесенном к Змеиногорску. Правда, готовилась его передача в Бухтарминский уезд Семипалатинской губернии. Наши административные перетряски мало интересовали китайцев. Наследники маньчжурской империи исповедовали ее принцип: когда-то это принадлежало джунгарам, но мы их покорили и теперь это наше!.. Россия не считала бассейн Черного Иртыша своей территорией никогда. Русские здесь бывали только транзитом: в 1624 г. - тарский казачий атаман Гроза Иванов; в 1654 г. - тарский боярский сын Федор Байков; в 1718 г. - до озера Зайсан дошел тоболяк Иван Калмыков; а в 1719 г. - и основатель Усть-Каменогорска Иван Лихарев. Русские на Черный Иртыш вышли после Лихарева только полтора века спустя, но это были люди купеческие.

И вот 1920 г. В Приамурье вокруг КВЖД начинает потряхивать. А на Иртыше отзываются китайцы претендуют на российскую территорию, прилегающую к озеру Зайсан. И площадь немалая - тысяча восемьсот квадратных верст.

...Надеюсь, на памяти современников события совсем недавние: вооруженный конфликт 13 августа 1969 г. у пос. Жаланашколь Семипалатинской области.

Хоть и не было в 1969 г. на китайском знамени дракона, а звезды реяли, но летит, летит над русским порубежьем его жадная тень.